

Моя встреча с президентом Доминиканской Республики Леонелем Фернандесом

Она произошла в понедельник 2 марта в 16.58 часов.

Я познакомился с ним в Доминиканской Республике, когда его избрали президентом в первый раз. Он был особенно внимателен ко мне. Говорил о своих первых усилиях в целях увеличения мощностей по выработке электроэнергии при намного меньшем потреблении мазута, цены на который быстро росли.

Никто не дарил ему этот пост, он пришел к нему путем некоего естественного отбора, в силу которого поднимался все выше на политической арене по мере развития исторических событий.

Сын доминиканской женщины, кто, как многие другие ее соотечественники, эмигрировала в Соединенные Штаты, он вместе со своим братом был увезен в Нью-Йорк, где научился читать и писать.

Ему повезло в том отношении, что его мать внимательно следила за проблемами своей родины и внушала ему революционные мнения и критерии, которые подготовили его к новым временам, наступившим для доминиканского народа.

Пути, отличавшимися от моих, он пришел к собственным убеждениям, определившим его отношение к ситуациям, сходным и одновременно очень отличным от пережитых мною за 23 года до него на Кубе, где, когда мне не было и 6 лет, молодая кубинская учительница и две ее сестры, несомненно происходившие из мелкобуржуазной семьи города Сантьяго-де-Куба, жили очень бедно, хотя одна из них изучала медицину, вторая педагогику, а третья фортепьяно в одном университете Гаити - соседней страны, самой близкой к Кубе и к родине Леонеля Фернандеса.

В Сантьяго-де-Куба, где я впервые с удивлением увидел город, мне пришлось серьезно голодать, причем я не понимал этого, считая, что отличаюсь ужасным, неслыханным аппетитом, и учительница, преподававшая в школе Бирана в разгар диктатуры Мачадо, не получала постоянного жалования, но зато хорошие деньги, поступавшие из моего дома, и убедила мою семью отправить меня в Сантьяго.

Я научился сложению, вычитанию и умножению благодаря красной обложке школьной тетради, прежде чем стал читать и писать. Так я начал упражнять воображение, но меня вынудили отстать на два года, которые, приложив усилия, я нагнал позже.

Возможно, таким образом можно лучше понять мою заинтересованность в беседе с Леонелем в свете нынешних времен.

Я познакомился с доминиканским историком и выдающимся деятелем Хуаном Бошем в 1946 году, когда мне еще не исполнилось 20 лет, я учился на втором курсе юридического факультета и был лидером факультетских студентов, а кроме того, председателем организации солидарности с доминиканской демократией в борьбе этого отважного народа против тирании Трухильо, установленной американскими силами, которые вторглись на остров в 1928 году.

Бош и я входили в состав батальона «Сандино», названного по имени никарагуанского героя, который боролся против американских интервентов и вследствие этого был убит в ходе другой

империалистической интервенции в эту центральноамериканскую страну.

Видный представитель доминиканской интеллигенции не возглавлял эту экспедицию. Ею руководили другие доминиканские политики. Почти все они действовали из честных побуждений, но ими двигали классовые идеи и интересы, даже олигархические и буржуазные.

Хуже всего то, что если говорить о Кубе, ею руководили самые коррумпированные круги Кубинской революционной партии («аутентиков») – это название было украдено у Кубинской революционной партии, созданной Марти, чтобы бороться за независимость Кубы и Пуэрто-Рико – колониальных анклавов Испании в Латинской Америке в конце XIX века.

Никто не понимал путаной галиматии профессора физиологии Грау Сан-Мартина – наследника революции, начатой Антонио Гитерасом Холмсом, министром внутренних дел Революционного правительства, которое возникло вслед за диктатурой Мачадо после падения тирана в 1933 году.

Невинный голод, о котором я уже упоминал, дополнял картину.

Когда 1 января 1959 года победила Революция, Леонелю, с его стороны, едва исполнилось шесть лет.

Хименес Мойя, кто вместе с другими доминиканскими революционерами приземлился в окрестностях Сьерра-Маэстры на венесуэльском гражданском самолете, привезя 150 полуавтоматических винтовок «гаранд» с обоймами по 9 патронов калибра 30,06 и одну винтовку ФАЛ, которую мне лично прислал адмирал Ларрасабаль, возглавлявший Временное правительство Венесуэлы после падения проамериканского диктатора Переса Хименеса, присоединился к нашим силам вместе с другими своими соотечественниками, когда мы вели последние бои в восточной части Кубы.

В ходе окружения хорошо подготовленного вражеского батальона специальных войск он был тяжело ранен. С помощью наших полевых врачей он поправился и был готов к операции в Санто-Доминго 14 июня 1959 года.

В тот день в 18.20 часов 56 доминиканских бойцов приземлились на военном аэродроме сил Трухильо в Констансе – в тот час у них не оставалось иной альтернативы как сделать это там, а не в выбранном месте. После героической борьбы почти все они погибли.

Несколько дней спустя еще 169 бойцов прибыло морем, и их постигла та же участь. Идею, скоординированную и разработанную самими бойцами, осуществить не удалось. Противник, как всегда, прибег к пыткам и террору. Это история, которую еще предстоит написать.

Общая кровь, пролитая в наших битвах за независимость и в 50-е и 60-е годы, навсегда соединила наши народы.

Уже после победы Кубинской революции, при правительстве Эйзенхауэра, наша страна была подвергнута железной экономической блокаде, яростной террористической кампании и затем пережила агрессию на Плая-Хирон силами кубинских наемников.

В 1965 году полковник Франсиско Кааманьо Деньо поднимает восстание против военного руководства, оставшегося со времен Трухильо, и требует возвращения Хуана Боша, которого народ избрал президентом в декабре 1961 года. К нему и его офицерам и солдатам присоединяется группа революционеров, подготовленных на Кубе.

Доминиканский конгресс избирает его президентом этой страны.

Империалистическое правительство Соединенных Штатов, напуганное этими событиями, направляет 82-ю воздушнодесантную дивизию и более 40 тысяч морских пехотинцев в целях оккупации острова.

Кааманьо сдерживал эти мощные силы интервентов и без устали преследовал их, вынудив их к переговорам. Он поклялся, что никогда не сдастся. Когда те подписали соглашение с гарантиями, которых так и не выполнили, полковник Кааманьо покинул территорию страны и был назначен правительством военным атташе в Лондоне.

Но он не был человеком, кто мог бы смириться с этим назначением. Он хотел вернуться в Санто-Доминго, чтобы бороться против тех, кто угнетал его народ. Он обратился к нам с просьбой о содействии.

Мы тоже не хотели, чтобы он в любой момент пожертвовал своей жизнью, нам бы хотелось подождать более благоприятных обстоятельств, но наше слово было свято.

Какое-то время он жил у нас, опираясь на обещание помочь ему вернуться с оружием в руках, как только он это решит.

Мы всегда будем хранить как великую честь доверие, оказанное им нашему народу.

Это другая история, которую надо написать со всей необходимой тщательностью.

Я знал, что, в числе прочего, Леонель восхищается культурой нашего народа. Поэтому я позволил себе подарить ему страницу, на которой в 26 строках кратчайшим образом изложена история чернокожего поэта Габриэля де ла Консепсьон Вальдеса, известного как Пласидо, - 1 марта 2009 года исполнилась еще одна годовщина с момента его ареста вместе с другими людьми его расы. Его обвинили в заговоре против белых, и после 4 месяцев тюрьмы он был расстрелян 29 июня 1844 года.

Таким было понятие справедливости, которое испанская империя на протяжении веков применяла в Кискейе и на Кубе.

Когда я учился в шестом классе начальной школы в принадлежавшем иезуитам колледже Долорес, я узнал знаменитую «Мольбу Богу» гениального поэта и запомнил ее навсегда.

Леонель прочел страницу; с ним был товарищ Эстебан Ласо, член Политбюро, только что назначенный Партией организатором празднования 200-й годовщины со дня рождения поэта, которое начнется через 15 дней.

Меня воодушевляет мысль, что наш народ сможет познакомиться с жизнью, идеями и несравненными стихами Пласидо.

Наибольшую значительность беседа с Леонелем приобретает тогда, когда она обращается к вопросу стоимости нынешнего кризиса. С этого момента его ум ни на минуту не перестает выдвигать аргументы, чтобы выразить при помощи точных цифр каждый из основных элементов стоимости нынешнего кризиса.

Он начинает с прояснения почти повсеместной неуверенности и путаницы, касающейся значений английского биллиона и испанского биллиона.

Английский биллион означает только миллиард.

В испанском языке биллион означает для нас миллион миллионов.

В сведениях и в цифрах, приводимых в телеграфных сообщениях и статьях, создается огромная путаница.

Поэтому Леонель использует слово триллион – так он называет американский биллион. Его точное значение – миллион миллионов.

Желая указать на ВВП Соединенных Штатов, достигающий цифры в почти 15 миллионов миллионов, он выражает это, утверждая, что ВВП данной могущественной страны приближается к 15 триллионам долларов.

Сформулировав это пояснение, он, не останавливаясь ни на минуту, объясняет, сколько затратил Буш на войну в Ираке, вдобавок к годовому бюджетному дефициту этой страны, – затраты, которые он вычисляет одни за другими вплоть до наступающего 19 марта; немедленно добавляет к этому план спасения Буша, тут же суммирует с ним план спасения Обамы и так далее.

В этом случае он ограничивается тем, во что обходится кризис Соединенным Штатам. Затем начинает подсчет того, сколько в свою очередь стоит он странам Европы, сначала странам еврозоны, которых поддерживает европейский Центральный банк, затем всем странам Восточной Европы и наконец Великобритании и Швеции.

Не останавливаясь, Леонель переходит к стоимости кризиса в остальных странах мира.

Он сравнивает ВВП Соединенных Штатов и остальных стран. Суммирует их все. Подсчитывает дефициты, намечающиеся в каждой из стран. Переходит к подсчету займов, производимых банками, чтобы поддержать производство каждого из производственных предприятий, сколько раз они отдают в кредит деньги, положенные в банки, общие суммы займов, создающих токсические производные, и доходит до цифр, равных сотням триллионов долларов.

Везде царит финансовая спекуляция, утверждает Леонель.

«В спекуляции участвуют люди, которые не производят.»

«Кто-то продает нефть, которую не производит, и кто-то покупает нефть, которую не собирается потреблять.»

«То же происходит с продуктами питания.»

«Так происходит со всем.»

Ипотека превращается в ценную бумагу, которая реализуется на рынке, продолжает он, притом что хозяин дома не знает об этом. Он может потерять свое жилье в результате операции, совершающейся в далекой стране.

«Неолиберализм разваливается сам по себе.»

«Возвращение к принципам кейнсианства не решает нынешнего кризиса.»

«Это подразумевает поиск новых идей.»

Леонель знает, что это подавляющие цифры, его беспокоит необходимость того, чтобы эти суммы были поняты, хотя и кажутся абсурдными, и он обещает привести новые данные.

Я определил бы тезис Леонеля так, как он видит это положение: капитализм – система, выделяющая ядовитые токсины всеми порами.

Слыша страсть, звучащую в его голосе, я делаю вывод, что янки проклянут арифметику, которой научили Леонеля в Нью-Йорке, когда он учился читать и писать.

Со своей стороны, влиятельный орган международных финансов «Уолл-стрит джорнел» опубликовал 2 марта статью Тунку Варадараджана, где утверждается, что экономический гуру Нуриэль Рубини твердо убежден, что временное вмешательство – это лучшее решение финансового кризиса.

«Нуриэль Рубини всегда одевается в белое и черное, я знаю его почти два года и видел в различных ситуациях - направляющимся в бизнес-школу «Стерн» Нью-йоркского университета, где он преподает; за рюмкой вина в его вестибюле, в районе Трибека в Манхеттене, на академической лекции, мудро восседающим на сцене, на богемной вечеринке в Гринвич-виллидж в 3 часа утра».

«Он всегда одет в черный костюм и белую хлопчатую рубашку».

Рубини – хозяин консалтинговой фирмы «Roubini Global Economics», находящейся в центре Нью-Йорка. В настоящее время это человек, чьим мнением о кризисе более всего интересуются главные органы печати Соединенных Штатов.

«Идея того, что правительство выложит триллионы долларов, чтобы спасти финансовые институты и продолжать вкладывать во невзнимаемые активы, непривлекательна, потому что тогда фискальная стоимость будет намного больше; вместо того чтобы рассматриваться как нечто большевистское, национализация рассматривается как прагматическая. Парадоксально, но предложение более ориентировано на рынок, чем альтернатива банков-зомби.»

«Тогда окажется ли самый высший уровень американского правительства восприимчивым к идее национализировать банки? «Думаю, что да», - не колеблясь утверждает Рубини. - «Такие люди как Линдсей Грэхем (сенатор-республиканец консервативного толка) и Алан Гринспен (бывший президент Федеральной резервной системы) уже дали свое ясное благословение. Это в определенной форме является защитой для Обамы».

«Так какова же в точности экономическая философия Нуриэля Рубини? «Я верю в рыночную экономику», - утверждает он с некоторым упором. - «Верю, что люди прореагируют на стимулы, что стимулы важны и что цены отражают форму, в какой следует распределять вещи. Но также я верю, что иногда в рыночных экономиках происходят рыночные сбои, и когда они происходят, появляется место для осторожного (не чрезмерного) регулирования финансовой системы».

Двумя вещами, в которых Гринспен полностью ошибся, было верить, что, во-первых, рынок способен саморегулироваться, и во-вторых, что не бывает рыночных сбоев.

В двух словах, для журналиста «Уолл-стрит джорнел» Тунку Варадараджана и крупного эксперта Нуриэля Рубини капиталистическая система не может функционировать без рынка, но рынок должен регулироваться, поэтому государство должно гарантировать оба фактора.

Я понимаю горечь Леонеля, когда он серьезно размышляет о стоимости кризиса. Само общество, давшее импульс развитой капиталистической системе, теперь не знает, как справиться с проблемой, и его самые признанные теории выдвигают идеи, подобные тем, какие мы только что привели.

С большим спокойствием он возвращается к самым конкретным проблемам Санто-Доминго и указывает на каждую из мер, которые он собирается принять в ближайшие годы. В этом пункте его боевым конем являются социальные фонды. Он усиленно поддерживает идею, что в социальных фондах латиноамериканских стран вычеты из реальной зарплаты трудящихся

представляют собой источник капитала, который, управляемый государством, накапливает ресурсы, не утрачивающие стоимости, поскольку она растет каждый год.

Инвестированная в жилье и другие решающие услуги для населения, за вычетом реальной части живой работы, вкладываемой в них ежегодно, стоимость этих фондов постоянно бы росла.

Наблюдая за ходом Международной встречи экономистов по проблемам глобализации и развития, я видел, что в первые два дня большой акцент видных экономистов, собравшихся на Кубе, делался на поиски источника накопления капитала, который должен служить обществу в надежде освободить его от переживаемого им кризиса.

Вдруг, когда я столкнулся с множеством теорий и спасительных решений, мне на ум приходят другие реальности, и я спрашиваю себя.

Сможет ли наука дать срочный ответ на таяние полюсов в Антарктике и Арктике, происходящее прямо на глазах, и на то, что атмосфера достигает самого высокого уровня температуры за последние 700 тысяч лет, - нечто, известное Организации Объединенных Наций и другим важным институтам?

Я понимаю, что такие цифры могут кое-кого обескуражить, но разве не хуже их игнорировать?

На этом однако беседа с Леонелем не закончилась. Он сказал мне, что отправится в Сантьяго-де-Куба, чтобы возложить цветы к подножию могилы, хранящей останки нашего Национального героя. Именно Марти заявил в Монтекриси, что начинается завершающая битва против испанской колониальной власти, чтобы освободить Кубу и Пуэрто-Рико. С ним был Максимо Гомес, который обучил нас и усовершенствовал на полях Кубы атаки с мачете.

Марти в Дос-Риос провозгласил девиз, ставший ведущим в будущих битвах нашего народа против империалистического господства в странах Латинской Америки.

Прощаясь, Леонель мне сказал: «Знаешь, я не хочу уехать с Кубы, не посетив казарму «Монкада». Я даже не вспомнил об этой крепости среди стольких исторических фактов. Я не стал много комментировать и поблагодарил его за его внимание. Он захотел иметь фотографию, снятую цифровой камерой. Нашел камеру и сделал снимок. Когда он мне сказал, что не хочет подвергаться опасности того, что его примутся опровергать, я ответил ему в шутку, что никто не стал бы так рисковать, потому что они знают, что я мог бы сесть в самолет и приземлиться в соседней стране.

Так приятно прошло время. Пока я писал эти строки в среду 4-го, я слушал пылкие слова президента Гондураса Мануэля Селайи, который присутствовал на Встрече по проблемам глобализации и развития и вчера выступил на ней с большой речью. Еще более пылкими были его слова, в которых он осудил блокаду Кубы, его ораторское мастерство впечатляюще. Жаль, что он уезжает сегодня, и я не смог приветствовать его. Он приезжает на Кубу во второй раз. Но что мне делать, где взять время?

Фидель Кастро Рус

4 марта 2009 года

15.35 часов

Дата:

04/03/2009

Source URL: <http://www.comandanteenjefe.biz/ru/articulos/moya-vstrecha-s-prezidentom-dominikanskoy-respubliki-leonelem-fernandesom?page=0%2C10%2C0%2C0%2C0%2C0%2C1%2C1%2C2>